

С самого момента, когда он открыл глаза в сентябре, он был занят до нынешнего Нового года. Отпуск давали лишь раз в десять дней, но и во время отдыха приходилось принимать сановников и отвечать на секретные доклады.

— Евнух Хуан, — перед самым сном Ю Цун повторил наставление: — Ты ведь знаешь, что я подхватил простуду.

Хуан Цзинь поспешно кивнул и отозвался:

— Не беспокойтесь, император.

— Раз уж я простудился, по утрам незачем вставать так рано, — неторопливо произнес Ю Цун. — С завтрашнего дня, как просплюсь, я позову тебя, только тогда и войдешь прислуживать. В остальное время шуметь не смей, понял?

Хотя прежде за ним такого не водилось, Хуан Цзинь всё же был евнухом, привезенным из его собственного княжеского поместья, а потому согласился на всё без малейших колебаний.

Этот сон продлился до полудня следующего дня.

Долгий и безмятежный сон казался настоящей наградой после целого года забот.

Пока император погрузился в долгий сон и не спешил просыпаться, евнух Хуан велел слугам раз за разом расчищать дорожки во дворце от хлопьев пушистого снега, а заодно украдкой проверял, действительно ли император всё еще спит, не смея расслабиться ни на мгновение.

В маленькой кухне горячие супы и блюда сменили уже три или четыре раза, прежде чем император наконец смутно очнулся и приказал переодеть себя.

Хуан Цзинь наконец с облегчением вздохнул, вприпрыжку бросился на маленькую кухню и отдал распоряжение подавать кушанья.

Хотя во дворце полно правил, как хорошо, что он переселился в тело императора.

Даже если бы он, подобно историческому императору Цзяцзину, со всей страстью ударился в поиски бессмертия, у тех чиновников не хватило бы духу бросить ему вызов.

— Верно, а где Лу Бин? — сидя перед изобилием изысканных яств, Ю Цун бросил взгляд на падающий за окном крупный снег и внезапно спросил: — Он уже пообедал?

— Взрослый господин Лу ожидает в боковой палате, еще не ел.

— Скорее позови его войти, — подумав, велел Ю Цун. — Эта жареная баранья нога выглядит аппетитно, потом нарежь порцию и для господина Лу.

Войдя в тронный зал, Лу Бин невольно замер.

Воспользовавшись тем, что в эти два дня не нужно принимать сановников, император прямо-таки махнул рукой, отказавшись от услуг прислуживавших девушек, и позволил длинным волосам распуститься по спите, лишь небрежно завязав их нефритовой шпилькой.

Зажав в зубах кусочек сладкого рулета с бобовой пастой, он поднял голову, мельком глянул на вошедшего Лу Бина и с лучезарной улыбкой произвел:

— А Фан, иди поешь со мной.

Хуан Цзинь понимающе улыбнулся и тихонько удалился.

В те времена, когда император был еще князем, он повсюду ходил с господином Лу рука об руку, как родные братья, а пользуясь тем, что вдовствующая госпожа питала к господину Лу самые нежные чувства, даже заставлял его оставаться на ночлег.

В этом дворце людские сердца непредсказуемы, и раз рядом есть такой свой человек, как господин Лу, он искренне радовался за императора.

Зеленые бобы с пекинской капустой были приготовлены нежно и хрустяще, суп из лебедя томился ровно столько, сколько нужно, а весь наваристый бульон впитался в мясо.

Пожалуй, из-за смены повара в некогда строгих придворных обедах появилось множество региональных особенностей: сегодня даже подали тарелку жареного белого цыпленка и мясо с подливкой, а густой аромат супа из курицы с грибами мацутаке и черными костями заставил Ю Цуна выпить аж две чашки.

Прежде во время трапезы служанки усердно раскладывали палочки и всегда выстраивались поодаль, словно ряд бездушных роботов.

Ю Цуну это не нравилось, поэтому он просто велел впредь всем пользоваться палочками самостоятельно, поставив рядом даже бадью с рисом и черпак.

Еда есть еда, пусть никто не докучает.

— Что там с проверкой дела Чжан Цуна?

Лу Бин ел с некоторой скованностью, но тут отложил палочки и серьезно произвел:

— Есть большие успехи.

Этот взрослый господин Чжан с виду держался благопристойно, а на деле втихаря присвоил несметные богатства.

Под предлогом ревизии поместий он получил немало подношений от знати и титулованных особ, да вдобавок тайком отстроил несколько особняков в столице, вероятно, специально для хранения денег.

— Еда беседе не помеха, — заметив, что тот снова принял вид неподдельной серьезности, Ю Цун с головной болью произвел: — Если ты продолжишь в том же духе, я начну капризничать.

Лу Бин со значительным затруднением взглянул на него, но все же поднял палочки и продолжил есть, не прекращая доклада.

Одновременно с докладом он незаметно и цепко наблюдал за выражением его лица.

В ту ночь... Ей-богу, Ваше Величество, должно быть, просто напился.

Не стоит забивать голову лишним.

— Этот степной сурок на вкус весьма неплох, отведай кусочек.

Посчитав этот стол чересчур большим, Ю Цун просто притянул стул, уселся рядом с Лу Бином и наполнил чашки вином для них обоих.

За окном кружились хлопья снега, в комнате было тепло и уютно — вот это и называется встречать Новый год.

— Подходящие расписки и свидетельские показания подчиненные уже собрали, — Лу Бин продолжал трапезу сдержанно, но все мысли его по-прежнему крутились вокруг Чжан Цуна. — Каковы намерения Вашего Величества?

— Не спеши действовать, — неторопливо ответил Ю Цун. — Настанет день, когда ему опротивеет жить — тогда и приберем всё чистенько, а сами заберем деньги и уйдем.

За этим Чжан Цуном приглядывай понемногу, да и Гуй Э, что трется возле него, ничуть не чище.

Император выбрал из фруктов присланный в качестве дани мандарин из Чжанчжоу и неспешно очистил кожуру:

— А для внешнего мира ты изображай бездельника, притворяйся, будто изо дня в день являешься ко мне просто так, штаны просиживаешь, а впредь ходи только через потаенную дверь, не привлекая ничьего внимания.

Лу Бин кивнул и внезапно подвинул к нему тарелку с жареными ломтиками корня лотоса.

Ю Цун на мгновение замер, улыбнулся, взял один кусок и откусил.

Свежая сладость лотоса в сочетании с насыщенным мясным соком оказалась невероятно вкусной.

Глядя на его довольный вид, Лу Бин смягчил тон:

— Заскучал по дому?

Ю Цун кивнул и медленно проговорил:

— Во дворце этом больно просторно. До того пусто и холодно, аж на душе зябко.

Вечно сидеть в боковой палате было неудобно, и Ю Цун без лишних слов велел обустроить для него письменный стол в углу, позволив читать книги и составлять служебные бумаги прямо там, лишь бы человек находился поблизости.

На самом деле он смутно чувствовал, что начинает всё больше привыкать к такому молчаливому присутствию А Фана, но стоило заглянуть мыслями глубже, как в душе поднимался такой кавардак, что он просто предпочитал об этом не думать.

Стоило минуть Новогодним праздникам, как придворная трапеза, казалось, внезапно стала куда разнообразнее, открывая Ю Цуну совершенно новые горизонты.

Суп из иглобрюха скользил по горлу нежной свежестью, грибы цзицзун считались непревзойденным деликатесом в Поднебесной, да и фрукты после еды поражали воображение — всё сплошь лучшие дары со всех уголков страны.

Заметив, что император обожает грызть вяленые деликатесы, на маленькой кухне каждый день держали наготове гусиные лапки в маринаде, свиные копытца и жареную рыбку, чтобы в любой момент угодить августейшему аппетиту.

Стоит человеку заскучать, как ему непременно хочется заняться чем-нибудь.

Помимо господина Лу, во всем дворце едва ли нашелся бы еще кто-то, с кем можно запросто поболтать о пустяках, кроме этого на вид послушного и понятливого Хэну.

Поразмыслив, император велел растереть тушь и позвал юношу составить ему компанию в упражнениях по чистописанию.

Хэну было ровно восемнадцать, на пару лет младше его самого: в нем сочетались и стать с мужественной привлекательностью взрослого юноши, и присущая молодым людям особая зеленая свежесть и чистота.

Уж в ком-кому, а в людях Чжан Цун толк знал...

Сам Ю Цун справлялся с традиционными иероглифами медленно, а от непривычки рука еще и подрагивала, поэтому он попросил юношу составить ему компанию за учебой и письмом, втайне относясь к Хэну как к младшему брату.

Хуан Цзинь бросил взгляд из угла зала: господин Лу преспокойно читает книгу в уголке, император мило шутит и упражняется в каллиграфии с красивым юношей — картина почти идеальная.

И невдомек ему было, что Лу Бин, внешне погруженный в изучение одолженных Записок об отмывании несправедливостей, мыслями полностью находился там, где звучал этот ряд веселых голосов.

Нрав у самого Ю Цуна был непоседливый, стоило чуть пописать, как он принимался отвлекаться и показывал Хэну набросанных им кривобоких акиту-ину, из-за чего оба они покатывались со смеху.

Он изначально не чурался телесных соприкосновений с людьми, да и Хэну воспринимал скорее как друга, то и дело касаясь его плечом или рукой.

Глядя на эту сцену, Лу Бин ощущал смутное раздражение и некий дискомфорт, но толком не понимал, с чего бы.

— Стоит ли из-за каких-то иероглифов сбиваться в кучу и хохотать без умолку.

На десятый день Лу Бин выехал по делам за пределы дворца, а возвращаясь, прихватил с собой пол-утки.

Только на сей раз вина из цветов сливы при нем не было, а имелась лишь слегка потрепанная

жареная утка.

Амператор в эту пору как раз завершал составление годового плана работы традиционными иероглифами, а посреди ночи сосет под ложечкой от голода — самое время идти будить соню с маленькой кухни. Стоило же ему заметить возвратившегося господина Лу с коробкой наперевес, как он тотчас вильнул хвостом и подбежал ближе.

Хотя рацион подкормки товарища Лу отличался завидным постоянством, наесться этим он почему-то никак не мог.

— Разве сегодня не принес вина? — заметив, что в корзинке чего-то не хватает, Ю Цун слегка разочарованно протянул: — В Пинфуцзи всё раскупили?

Господин Лу помолчал с пару секунд, а затем неожиданно произнес:

— Отличное вино из дворцовых погребов тоже весьма недурно... Полагаю, Вашему Величеству оно весьма по душе.

Мяу-мяу-мяу?!

Император замер на несколько секунд, отчетливо чувствуя во взгляде этого ледяного лица скрытый подтекст.

Не успел он толком сообразить, как Хуан Цзинь принес подогретое розовое вино, а утка уже была завернута вместе с огурцами.

Ладно-ладно, была не была, едим!

Глядя, как тот уплетает угощение прямо за книгой, Лу Бин невольно вздохнул про себя.

Сидевший рядом Хэну наконец очнулся от дремоты и ошоловело произвел:

— Отчего так вкусно пахнет?

Казалось, он от рождения был лишен понимания того, что такое церемонная вежливость, и всего за пару дней привык к императору так, будто они росли вместе с пеленок. Заметив, что император уплетает за обе щеки, он с улыбкой подсел ближе, выпрашивая кусочек.

Ю Цун, только что завернувший новый рулет, не особо раздумывая, просто скормил ему целый кусок целиком.

Заметив это, Лу Бин замер на полудвижении, и в груди у него снова стало тесно.

С этого дня — ни единой утки во дворец.

Пускай скажет, что в Пинфуцзи сменился повар, или увозит императора кушать за стены дворца — всё сойдет.

— А Фан, мне кажется, этой половины утки мало, чтобы наесться, — Ю Цун облизал пальцы от соуса, сверкнув яркими глазами. — Завтра принесешь целую, ладно? Поедим вдвоем, я ведь тоже умею заворачивать.

Господин Лу поднял голову, метнул взгляд на его вид голодного котенка и медленно кивнул:

— Хорошо, тебе с ароматом соевого соуса или сосновой смолы?

— С сосновой! Очень вкусно!

Господин Лу молча стер из памяти недавние мысленные упреки и без лишних слов принялся заворачивать для него утку.

-2-

С тех пор как император повысил его в должности, в прежде пустующем маленьком дворике с утра до вечера толпились люди с прошениями.

Распорядившись насчет новогодних подарков, Сюй Цзе поднялся, бросил взгляд на согнутую под тяжестью снега бачунскую сосну в боковом дворе и посильнее запахнул плотную накидку.

Теперь о еде и одежде тревожиться не приходилось, жена и дети наконец досыта ели и находились в тепле, но хлопоты с праздничными подарками утомляли до крайности и изрядно действовали на нервы.

Мало того что в первый день нового года полагалось преподнести дар императору, так вдобавок в ходе праздников предстояло поддерживать контакты с вышестоящими и нижестоящими чиновниками — бесконечно принимать подношения и дарить в ответ.

Хоть конфуцианские наставления и гласили о необходимости хранить руки чистыми, а душу непорочной, Сюй Цзе прекрасно понимал: без участия в этой круговерти человеческих отношений влиться в круг никогда не удастся.

Слуга, занятый инвентаризацией запасов, пробежал сквозь метель, выдыхая клубы пара и

отряхивая ноги, а затем, стряхнув крошки снега с головы, громко отрапортовал:

— Господин, реестр даров на встречу и проводы Нового года нынче полностью сверен и проверен, будут еще какие указания?

— Для глав шести министерств всё готово?

— Сплошь отборные товары, дурного и не посмели взять!

— Угощения на уголь, присланные из разных мест, тоже проверили?

— Серебро сосчитано до последнего лян, от какой провинции сколько поступило — всё записано предельно четко!

Сюй Цзе выдохнул облачко морозного пара, посмотрел на согнутую снегом сосну и вдруг спросил:

— А для господина Яня приготовили долю?

Слуга опешил, склонив голову набок:

— Из какого ведомства тот господин Янь?

— Янь Шэнь, — медленно произнес Сюй Цзе. — Собери и для него богатый подарок, а заодно подготовь экипаж, я скоро выезжаю.

После возвращения в столицу этих двоих — господина Яня и господина Вана — условия их приема различались как небо и земля.

Обустройством особняков тогда ведал Лу Бин, так что чашу весов для обоих сановников держали ровно: и слуг со служанками, и размерами владений они были обеспечены первоклассно.

Но вот Палата классических текстов была учреждена, Ван Шоужэнь получил пост министра, а на стороне господина Яня царило полное затишье — и толпа мгновенно уловила направление ветра.

Янь Шэнь еще пять лет назад проявлял упрямство и норовистость. В те времена он оставался сыном старого сановника Янь Тинхэ и, подняв бучу, увлек за собой немало людей, жаждавших попытать счастья на спекуляциях.

Кто бы мог подумать, что этот господин Янь не совладеет с семнадцатилетним юнцом и со скандалом будет изгнан на Юго-Запад. Говорили, по дороге за ним охотилось немало врагов, и выжить до сих пор было великим чудом.

В эти праздничные дни повсюду царило веселье, над тавернами и игорными домами ярко алели красные фонари, и лишь у особняка господина Яня стояла холодная тишина, даже птицы не садились на порог.

Выспросив подробный адрес, Сюй Цзе среди хлопьев белого снега и пыли потратил немало сил на поиски нужного места.

Он постучал в ворота, и кто-то откликнулся изнутри:

— Кто там?

— Левый помощник министра, господин Сюй, — ответил слуга, сопровождавший Сюй Цзе.

Услышав чин, слуга поспешно распахнул створки и с заискивающей улыбкой произвел:

— Прошу господина Сюя пройти в передний зал и немного обождать, я сию минуту доложу.

Янь Шэнь в этот момент полулежал в кресле у серебряного жаровни, прикрыв глаза и погруженный в раздумья о том, чего же добивается этот император.

Если рассуждать о холодной опале — зимой ему пожаловали парчу и серебряный уголь, а жалованье приравнивали к чиновникам пятого ранга.

Если же говорить о намерении вновь призвать к делам — никаких вестей не поступало вовсе.

Издаലെка слышались торопливые шаги, слуга впопыхах подбежал к хозяину, поклонился и доложил:

— Господин, какой-то господин Сюй пожаловал к вам с подарками.

Господин Сюй?

В разгар Нового года его навещали исключительно давние, проверенные товарищи.

Но среди них отроду не было никакого господина Сюя.

нахмурившись и поразмыслив, Янь Шэнь произвел:

— Пойду взгляну на него.

Сюй Цзе не прождал и половины чайной пиалы, как увидел неторопливо входящего мужчину с пронзительным взглядом.

На нем было простое одеяние из ворсистой ткани, волосы собраны в идеальную прическу, шаги отличались твердостью и силой.

Лишь следы возраста проступали сквозь едва заметную седину в волосах и чуть грубоватую кожу.

Завидев Сюй Цзе, тот слегка нахмурил брови и холодно бросил:

— Вы кто?

Сюй Цзе поспешно поднялся, отвесил почтительный поклон и с крайним почтением произвел:

— Ваш подчиненный, левый помощник министра общественных работ Сюй Цзе.

Еще когда он учился в Сунцзянфу, ему посчастливилось зачитываться поэзией господина Яня, и тогда его стихи показались ему божественными. Прочитав дважды, он запечатлел их в памяти настолько глубоко, что повторял даже во сне.

Его размах — это катящаяся на восток бурная река Янцзы, смывающая в волнах всех героев, это свирепый черный ветер у подножия Чанбайшаня и красный огонь колодцев Ганьцюань.

Его изящный вкус — это разноцветные мячи под лунными облачными вратами, где пред престолом спорят за право первенства, это взаимные послания в восемь строк, связывающие отшельников пяти священных гор.

Перед лицом столь гениального ума он готов был, даже оказись тот в нищете и падении, вывернуть наизнанку все свои скромные сбережения.

— О, тот самый новоявленный левый помощник министра с новогодних праздников?

Янь Шэнь уселся не спеша, не выказывая ни малейшего намерения встретить гостя с улыбкой.

— Мое убогое жилище редко кто посещает, не ошибся ли уважаемый Сюй дверью?

Сюй Цзе все же был молод, и под такой отповедью невольно смутился, но всё же знаком велел слугам выставить принесенные дары.

— Господин Янь Юэси...

— То старое прозвище, забудь о нем, — перебил его Янь Шэнь, махнув рукой. — Ныне мой псевдоним — Истинный Отшельник Дунтянь, можешь звать меня просто Янь Лулин.

Сюй Цзе отдал должное, помолчал пару секунд и негромко произвел:

— Янь тоже не намерен докучать долго, лишь хочу спросить: ведомо ли вам о новой политике императора?

— Слышал кое-что краем уха. — Стоило Янь Шэню вспомнить, что к этим делам его не подпускают и близко, как в нем всколыхнулся праведный гнев, и он ответил сухо и сдержанно.

— Палата классических текстов создана, следующий шаг — развитие земледелия и торговли, и если следовать словам самого императора, все дела должны основываться на четырех словах: «возродить державу трудом». — Сюй Цзе не смел прямо смотреть на него, лишь опустив голову, продолжал: — Ныне при дворе всё вокруг стремительно меняется.

— Возродить державу трудом? — усмехнулся Янь Шэнь с издевкой. — Неужели все эти старые кости при дворе разом онемели?

Сорвавшихся с языка слов он сам испугался своей же тишиной.

Верно, стоило ему уйти, как не стало заводилов.

Хотя во дворце предостаточно способных и прямодушных чиновников, одни страшатся палок и угрозы жизни, другие уповают на чины и богатства — разве он не знал эту братию?

Несколько лет назад тех, кто имел смелость спорить без уступок, забили палками до полусмерти, а несговорчивых лишили должностей и выгнали прочь — разве теперь не дозволено императору творить всё, что заблагорассудится, раз никто не смеет издать ни звука?

— Император также намерен открыть Зал прослушивания мнений, а в дальнейшем использовать тот круглый павильон за пределами императорского города для оглашения указов, дабы весь мир отчетливо видел смену ветров и туч. — Говоря об этом, Сюй Цзе поднял голову и внезапно усилил голос: — Господин Янь, неужели, услышав всё это, ваше сердце ничуть не дрогнуло?

Янь Шэнь холодно усмехнулся в ответ:

— Дрогнуло? А если дрогнуло — что толку? Уважаемый Сюй, часом, не хворает глазами, раз разучился видеть нынешнее положение дел?

Сюй Цзе не отступил, а подался вперед, снова заговорив звонко и отчетливо:

— Неужели господин Янь не ведает, зачем император вернул вас в столицу? Неужели не понимает, почему император не смеет вас задействовать?

От такого прямого вопроса Янь Шэнь, напротив, всё понял разом.

Строго и молчаливо глядя на него долгие мгновения, он глухо произвел:

— А знает ли император, что вы, скромный левый помощник министра, осмелились рассуждать передо мной о столь многом?

В эту секунду в Сюй Цзе проснулась дерзость, страх рассеялся без следа, и он лишь открыто рассмеялся:

— Сюй полагает, что сия великая эпоха только зарождается, тысячелетия ждут своего возрождения, всё сущее начинается с нуля — если господин Янь пожелает приложить свои таланты, у него впереди еще с десяток лет на осуществление помыслов!

— Помыслов? — Янь Шэнь рассмеялся в ответ, но зло. — Каких помыслов? Быть вновь избитым плетью перед тронным залом, чтобы народные предания смаковали это часами?

— Янь Лулин, вы многого не знаете, — медленно проговорил Сюй Цзе. — Пять лет назад меня тоже публично отчитывали перед троном — император даже велел вырезать на дворцовой колонне восемь иероглифов: Сюй Цзе — ничтожный человек, навеки отлучен от службы.

Янь Шэнь замер, желая спросить: и что же было дальше?

Как же он воскрес из мертвых и сделался нынешним помощником министра третьего ранга?

— Господин Янь, судя по всему, упорно не желает постичь одну истину, — Сюй Цзе глубоко вздохнул, подавляя волнение в груди, и твердо произвел: — Мы с вами, какими бы ни были наши чины и таланты, — всего лишь острия в руках императора.

— Мы можем быть лишь этим клинком, но никогда не станем тем, кто держит его в руке.

Зрачки Янь Шэня внезапно расширились, одна рука судорожно вцепилась в подлокотник кресла, и он долго не мог перевести дыхание.

А Сюй Цзе словно и не думал его щадить, продолжая:

— Пять лет назад господин Янь упорствовал в спорах, вероятно, желая сам обнажить клинок, отказываясь быть орудием.

Этот клинок способен срезать застойную грязь, срубить вероломных министров, защитить простой люд этого города и заложить основы великой эпохи.

Но он никогда не станет хозяином клинка.

Сюй Цзе смотрел на покрасневшие глаза мужчины, позволив тому закрыть рот рукой и в оцепенении сидеть безмолвно добрую половину дня.

— Янь Лулин...

— Убирайся.

Сюй Цзе на мгновение замер, отказываясь верить собственным ушам.

Успокоив дыхание, Янь Шэнь холодно взмахнул рукавом:

— Дорога скользкая, снег глубокий, возвращайтесь-ка домой, господин Сюй.

Сюй Цзе смотрел на него еще долго, испытывая горькое чувство напрасно излитого тепла — будто ясный месяц светит в сточную канаву. Хотелось высказать что-то еще, но слова застряли в горле. Поднявшись, он отвесил поклон и безмолвно покинул особняк Яня.

Северные заставы в спячке под ледяным панцирем, а на южных ветвях оживились сороки и вороны.

Чистый свет столь изящен и тонок, а тени бродят сами по себе.

-3-

Звание легкоконного дуй-юй — всего лишь титул, но раз уж пожалован столь высокий чин третьего ранга, реальная должность неизбежно подскочила от прапорщика седьмого ранга сразу до заместителя командира гвардии в том же третьем ранге.

Лу Бин хоть и предавался праздности, всё равно был вынужден возвращаться в поместье, чтобы выслушивать расспросы и вежливые излияния ключевых лиц, а к вечеру вновь спешил во дворец — составлять компанию императору за беседой и партией в шахматы.

Впрочем, с появлением поблизости того юного смазливца для него самого, казалось, не оставалось никаких забот.

Подумав об этом, господин Лу замер.

Юный смазливца? Хэну, тот мальчишка?

Прежде он... ни за что не назвал бы никого подобным словом.

<http://bllate.org/book/20063/1984657>